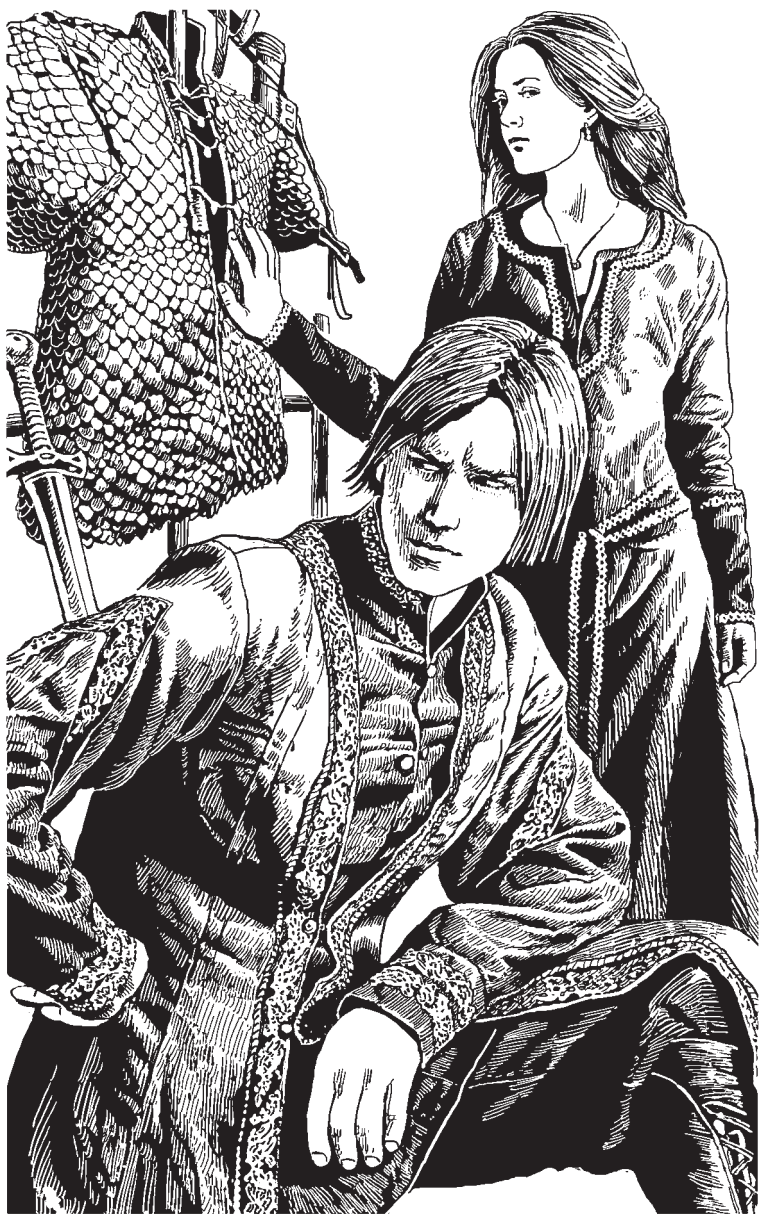

Книги Григория Шаргородского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**УБИВЕЦ МАГОВ. КАЛИБР 9 ММ
УБИВЕЦ МАГОВ. ВОЙНА НЕЛЮДЕЙ**

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДИВЕРСАНТ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДЕМОНОЛОГ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША.
ДЕМОНОЛОГ**

РОМАН

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 1992 году
Выпуск 886

Художник
С. А. Григорьев

Шаргородский Г. К.

Ш25 Заблудшая душа. Демонолог: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1681-3

Он начал забывать свое земное имя и давно привык к переменам в жизни. Он попал в другой мир и несколько раз в буквальном смысле становился другим человеком, и не только человеком. Землянин Иван Боев, известный в этом мире как граф Ван Гвиери, был шпионом в чужих телах и диверсантом на чужой войне. Теперь он стал тайным защитником своей женщины и своей страны. А в будущем коварство неугомонных врагов заставит его отправиться в опасное путешествие через весь континент и освоить профессию демонолога.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1681-3

© Шаргородский Г. К., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

Серые каменные своды изгибались пологими волнами и нависали над головой, словно грозя раздавить любое живое существо, неразумно оказавшееся в глубине горы. Подобное ощущение мог испытать человек или, скажем, морх из южных саванн, а вот дари чувствовал себя в этой пещере вполне вольготно. Конечно, ночной охотник больше любил вечный сумрак леса, его запахи и звуки, но при этом он отнюдь не страдал от клаустрофобии.

Каронторэ — первый кормящийся прайда Черного Клыка — задумчиво провел когтем по своему носу. Подобное действие на нежной коже человека оставило бы отвратительный шрам, а вот жесткая шкура чистокровного дари лишь чуть побледнела и уже через секунду восстановила свой темно-серый цвет. Предводителю всех дари, живших возле огромной черной скалы, гордо возносящей свой пик гораздо выше вековых деревьев Темного Леса, было о чем подумать. Сильнейший боевой маг в малой толике обладал и даром провидения, он чувствовал, что грядут перемены. Именно подобные предчувствия позволили ему в очень юном возрасте занять место первого кормящегося своего прайда, а немного позже — вознести свой прайд над всем народом дари.

Что именно должно произойти, маг не знал, но он чувствовал, что начало цепи событий уже совсем рядом.

Тихий скрип когтей по камню пролетел под сводами большой пещеры. «Оплывшие» формы логова казались вылепленными самой природой, но это было не так — «дикая» форма была специально создана магами дари. Это являлось единственным признаком дикости в логове первого кормящегося. Множество хорошо выделанных шкур, несколько

непривычных взгляду человека, но вполне удобных для самих дари столов и стульев, а также два десятка шкафов со свитками и книгами — все это создавало обстановку уюта и атмосферу цивилизованного жилья.

Повторившийся скрип наконец-то пробился сквозь задумчивость Указующего всех дари.

— Ты можешь показаться.

В ответ на приглашение не прозвучало ни единого звука, которые могли бы сопровождать движения огромного тела, одетого лишь в вязь ремней и юбку из полосок кожи. Молодой дари возник перед глазами «старшего».

Каронторэ с удовлетворением посмотрел на своего «младшего». Вид молодого дари вызывал в его груди двойственное чувство: с одной стороны, он радовал своей завершенностью, а с другой — приходило понимание, что вскоре «младший» получит собственное имя и покинет родителя.

— Говори.

— Старший, я принес прекрасную весть. — Глаза «младшего» лучились восторгом. — Маги говорят, что смогут завершить ритуал всего за три ночи. Мы скоро увидим нашего Господина!

Принесенная весть радовала Указующего, а вот горящие глаза «младшего» вызывали раздражение.

«Имя ему, конечно, дать можно, а вот отпускать от себя еще рано. Достаточно того, что он уже потерял брата».

Желание тут же просветить единственного из выживших детей было задавлено осторожностью. Крамольные мысли в голове предводителя дари пугали даже его самого.

— Я услышал тебя. Можешь идти, и позови главу колдунов.

«Младший» немного стушевался, но быстро пришел к себе и так же беззвучно, как появился, исчез в полумраке пещеры, освещенной лишь десятком магических шаров.

Старший маг прайда явно отирался неподалеку, потому что появился буквально через несколько мгновений. Передвигался он немного кривовато, и сгорбленная фигура напоминала совсем еще юного и дикого «младшего», но в отличие от юных несмышленишек, передвигавшихся практически на четвереньках, сутулость мага была вызвана возрастом.

Впрочем, возраст принес старику не только немощь, но и мудрость, а также гигантские знания.

— Указующий... — Без поклона или другого проявления подобострастия старый маг плюхнулся в каменную выемку лежака, покрытую мягкой шкурой лесного гарда.

— Это правда?

— Да, Указующий. Может, конечно, не три ночи, но о двух циклах луны уже речи не идет. На ритуал уйдет максимум пять ночей.

— Он проснется сразу?

— Нет, платой за ускоренную активацию будет долгое пробуждение — три цикла ночного светила, но процесс остановить не удастся даже нам, так что максимум пять ночей — и люди обречены.

— Хорошо, начинай готовить своих учеников, я прикажу выделить на их защиту лучших воинов.

Два могущественных мага еще какое-то время обсуждали тонкости предстоящей операции, а затем, довольные друг другом, расстались. И все же, несмотря на все радостные вести, червячок сомнений грыз душу первого кормящегося. Его сомнения достигли пика и вылились в решение. Дари поднялся с каменного ложа и подошел к бугристой стене. Только вблизи этого места можно было рассмотреть, что по однотонно-серой поверхности тянется тоненькая ниточка серебряной жилы. Когтистая лапа легла на серебряную нить, и мысленная команда мага улетела по этому «кабелю» в управляющий центр прайда.

Вызванного приказом Указующего существа пришлось ждать значительно дольше, чем визита старого мага, и у Карноторэ было время еще раз осмыслить свое решение. Оставлять события на самотек было опасно, поэтому кроме ударного отряда в княжество Сатар пойдет еще одно существо, которое, возможно, ненавидит людей даже больше самих дари. Впрочем, чувства, которые испытывали избранные слуги господ к рабам, нельзя было назвать ненавистью. Для дари люди были обычными животными. В подтверждение этой мысли взгляд дари задержался на мебельном гарнитуре, в который входило несколько похожих на диваны стульев, обитых человеческой кожей.

Недавние события в империи показали, что посылать к людям своих собратьев глупо. Зато в очередной раз оправдала себя одарийская программа. Сотни лет маги дари скрещивали избранный народ с самками рабов, создавая одарийских уродцев, но именно благодаря этому у старшего кормящегося появилось прекрасное оружие.

В этот раз о приходе нового посетителя возвестил не скрип когтей по камню, а тихий хлопок в мягкие ладоши.

— Ты можешь показаться, — позволил дари и увидел, как в помещении так же беззвучно, как и «младший», появляется крошечная фигурка.

Перед дари стояла человеческая самка, или по крайней мере существо, очень похожее на нее. Крошечной «девушка» казалась лишь на фоне огромной туши дари, на самом деле она была лишь немного ниже человеческих самцов и значительно выше большинства самок. Сотни лет селекции одарийских уродов дали великолепный результат — новый вид одари. Практически неотличимое от человека худощавое телосложение, привычные для людского взгляда ногти, волосы и глаза. Немного отличалась кожа, но девушку вполне можно было принять за хтарку, особенно в тех местах, где степняки появляются слишком редко. Знающий человек вряд ли спутает светло-коричневую кожу хтарки с грязновато-серым загаром рабыни.

— Хозяин, ты звал меня?

Девушка низко поклонилась, показывая всю грациозность тела, затаятого в комбинезон одарийских рейнджеров. Впрочем, подобные красоты мало волновали чистокровного дари.

— Да, Клэрэ, для тебя есть задание. Завтра отправишься вслед за основной партией магов и воинов. Твоя задача — проконтролировать со стороны, чтобы им никто не мешал. Пришло время поставить зарвавшихся рабов на место.

В ответ на слова дарийского мага в глазах девушки полыхнула такая жаркая ненависть, что он подумал: не станут ли эмоции девушки помехой общему делу?

Глава 1 ИМПЕРСКИЙ ДЕНДИ

Дверной проем словно отрезал немного душноватую атмосферу зала, наполненного запахами женских духов, с едва уловимыми нотками пота, мерцанием свечей и рваным ритмом музыки. Я наконец-то смог вдохнуть полной грудью сложный букет ароматов весеннего сада.

Небольшой балкончик нависал над зарослями розовых кустов, так что с цветочными ароматами был даже легкий перебор. Однако ночь сглаживала слишком острые «углы» в красках, формах и запахах, а огромное светило заливало серебристым светом окрестности особняка баронессы Динати.

Планета в очередной раз облетела вокруг своего светила и вошла в весенний период, а это значило, что я живу в этом мире уже почти два года и год, как нахожусь в столице империи, далеко от поместья на хтарском пограничье, которое уже стало для меня домом. Земная жизнь постепенно начала забываться, как и фантастические приключения первого года после переселения. Прыжки из одного тела в другое, возможно, воспринимались бы мной как давнишний бред, но нахождение рядом Тани и частые встречи с дарийскими шпионами напоминали о том, что магия реальна и очень опасна.

К счастью, на данный момент у меня выдался довольно спокойный период жизни, и я мог предаться блаженному безделью. Титул графа и нажитое родом Гвиери богатство позволяли проводить время с особым шиком.

— Граф, — послышался за спиной мелодичный голосок, — вам стало скучно в нашей компании?

Конечно, сейчас мне хотелось бы находиться совершенно

в другом месте и слышать совсем другой женский голос, но голосок баронессы я воспринял с удовольствием.

— Ну что вы, баронесса, просто стало немножко грустно и захотелось взглянуть на луну.

Я повернулся и увидел приятного вида женщину в кремовом платье с глубоким декольте и очень широким, практически цыганским, подолом. В юности баронесса была более чем эффектна, но бурная молодость слегка «утомила» не самое крепкое тело и отразилась небольшими морщинками на лице тридцатилетней женщины. Также имелась некая вялость пышных форм, но это если слишком уж придирааться — баронесса была более чем привлекательной дамой, и если бы не определенные нюансы, я бы не отказался закрутить с ней романчик. Она тоже была не против, так что стоило напомнить ей об этих самых нюансах, что я и сделал, упомянув о грусти.

— О... — забавно округлила ротик баронесса. — Мне очень жаль. Думаю, тур трабо — это единственное, что сможет согреть заledenевшее сердце.

В ответ я лишь кивнул, внутренне признавая, что она права. К тому же трабо мне нравилось, несмотря на уверения всех моих знакомых в том, что мужики не танцуют.

Я посещал рауты баронессы по нескольким причинам, и танцы были не последней. Кроме того, переселившись из Сатара баронесса Динати была едва ли не единственной, кто принимал меня после разрыва с Ларой.

Да, вот такие дела — за прошедший год я не только стал фаворитом императрицы, но и успел впасть в немилость.

Баронесса изначально приняла эту историю близко к сердцу и даже успела несколько раз поскандалить с Ларой, а заодно с ее главной фрейлиной Иммой. Впрочем, как девчонки поссорились, так и помирились, а вот мне такая легкость в отношениях не светила.

Из Сатара баронесса привезла не только наплевательское отношение к великосветским табу и интригам — вместе с ней в империю переселилось кронайское трабо, моментально ставшее модным. Танец моряков напоминал некую смесь аргентинского танго и испанского фламенко, хотя не берусь утверждать, потому что никогда не был специалистом в земных танцах. А вот на приемах у баронессы, где я неделю зали-

вал вином свои душевные муки, как-то увлекся этим странным сочетанием агрессивности, страсти и вожделения, выраженных в парном движении под музыку. Кстати, некоторые па в трабо напоминали движения, с которыми Яна махала своим веером, убивая киллеров на приеме у сатарского барона.

Баронесса вывела меня в центр зала и подала знак музыкантам, которые по сатарской традиции находились рядом с гостями, а не на высоком балконе, как принято в империи. Музыканты поняли все правильно, и со своего стула встал скрипач — по крайней мере, его инструмент был для меня неотличим от скрипки.

Повинуясь первым тягучим звукам, мы с баронессой начали медленно обходить друг друга, словно выискивая место для атаки. Скрипка перешла с растерянной тоски на плач, а затем внезапно умолкла, но лишь на мгновение, чтобы тут же взвизгнуть и разразиться агрессивной мелодией, в которой остались лишь нотки тоски. Мы также на секунду замерли и буквально вцепились друг в друга — я сжал талию партнерши, а она, высоко подняв локти, ухватила меня за плечи. Через пару па я осторожно обхватил пальцами правую ладонь баронессы, и мы в рваном ритме направились по сложной траектории через весь зал. Нашей целью была не какая-то точка на паркетном полу, а определенное состояние души — когда эмоции мешают не только дышать, но и думать, когда во вселенной нет ничего, кроме партнерши и ее очередного движения. Со стороны казалось, что баронесса пытается вырваться из моих объятий, но не в состоянии это сделать. Отпустив ее на расстояние вытянутой руки, я рывком возвращал гибкое тело в свои объятия, увлекая в очередной свинг, с переходом на высшую точку позиции дыхания и эмоции.

Легкость движений в трабо стала доступна мне только после долгих тренировок, но именно эти занятия и огонь танца позволили мне найти душевное равновесие.

Постепенно середина зала наполнилась танцующими парами, а скрипач, казалось, сейчас сойдет с ума следом за своей скрипкой, безумие которой поддерживал звон двух гитар и тихий писк флейты.

Комната наполнилась движением и страстью. Подобную

атмосферу я чувствовал только однажды — в бою перед входом в малый тронный зал, где столкнулись «медведи» с легионерами. Но здесь не было ненависти — только страсть. Лучше нас с баронессой танцевали лишь один из Лариных капитанов со своей женой. Довольно неплохо держались пары, в которых одним из партнеров были кронайцы. От жителей центра империи мужчины-кронайцы отличались яркими кафтанами-безрукавками и бакенбардами, а женщины — цыганско-испанской вариацией местной моды.

Через какой-то невнятный отрезок времени музыка буквально «умерла», иначе не назовешь. Кора, тяжело дыша, уткнулась лбом в мою грудь.

— Что-то ты сегодня разошелся, Ван.

— Да, накатило, — стараясь выровнять дыхание, вернул я улыбку.

На наши замершие фигуры смотрели без осуждения. Лара игнорировала меня, а Кора еще в юности потеряла мужа, так и не вернувшегося из морского похода. Так что приличий мы не нарушали.

— Тебе стоит завести интрижку — нехорошо, когда такой красавец тоскует в одиночестве. Может, тебя с кем-то познакомиться?

— Нет, баронесса, — легко поклонился я, отходя от безумия танца и возвращаясь к полусветскому тону. — Сам справлюсь.

Баронесса сделала легкий книксен и начала хлопотать возле гостей. И только после этого мой взгляд зацепился за чужеродную деталь в светло-голубой обстановке зала и праздничных цветов гостевых нарядов. Черная чешуя «ящера» выглядела как потемневший от времени гвоздь, вбитый в столешницу из мраморного дерева. Даже я перед выходом на раут сменил свой черный с серебром камзол на более «мягкий» серебристо-серый.

Подобный диссонанс требовалось срочно исправить, и я быстро направился в сторону двери. Шип качнул короткостриженной головой. Его каменное лицо являлось полной противоположностью улыбающимся гостям, но это все же лучше, чем насекомоподобная «морда» забрала черного шлема.

— Командир, — кивнул Шип, сохраняя невозмутимое

выражение лица. Бывший убийца, ставший впоследствии командиром моих телохранителей, вообще не отличался эмоциональностью и разговорчивостью.

— Привет, чего такого случилось, что ты явился прямо сюда? — сначала недовольно, а затем встревоженно спросил я. — Надеюсь, все живы?

— Живы, хотя Барсук в отключке, а его игломет унесли.

— Твою ж мать! — едва не завопил я, но успел снизить громкость. — Как это произошло?

— Барсук привел к себе в домик какую-то даму с улицы. Потом дама ушла. Через час я решил заглянуть к нему и увидел, что он в отключке.

— «Даму» искали?

— Нет, я сразу сюда.

— Может, оно и к лучшему.

Шип закончил свой рассказ, когда мы подходили к каретному сараю, где находилось мое транспортное средство. В принципе и у меня, и у старого графа вкусы были похожими, так что ничего нового купить не пришлось.

Небольшая, хорошо защищенная, при этом уютная, карета не впечатляла красками, но мне вполне подходила, как и стиль в одежде графа: мои новые наряды за редким исключением также были исполнены в родовых — черных с серебром — цветах.

У кареты скучали кучер и Сом, который сегодня отвечал за безопасность моей тушки. Похоже, Шип сначала поделился новостями с ними, а затем уже пошел ко мне, потому-то бывший «медведь» явно нервничал, беспокоясь за друга. И Сом и Барсук перешли ко мне от старшего сотника Выира Дирны, и причиной смены рода деятельности стало не совсем корректное поведение старого «медведя». Они до сих пор не общались ни с бывшим командиром, ни со старыми соратниками.

Карета тронулась, едва дождавшись, когда мы усядемся. Места внутри было мало, но мы с Шипом уместились.

Кучер гнал как на пожар, явно «мотивированный» обеспокоенным Сомом. Так что до моего городского дворца мы долетели минут за пять, благо он находился недалеко от дома баронессы — дворянский квартал столицы вообще имел

компактные размеры, в отличие от императорского. Был у меня дом и в императорском квартале, но, во-первых, главная резиденция больше, а во-вторых, хотелось жить подальше от монаршего гнева, особенно если этим монархом была твоя бывшая любовница.

В саду моего дворца имелось несколько небольших домиков, которыми я разрешил пользоваться тем, кого тянет к уединению. Из моих телохранителей подобным «эстетом» был только Барсук.

После этого случая он будет жить на кухне, зараза!

Мирно похрапывающий широкоплечий мужик в данный момент вызывал у меня только чувство раздражения. Поэтому я повернулся к целителю, который дежурил возле больного.

— Что с ним?

— Спит, ваша милость, его укололи иголкой с соком явбора.

— Разбудить можно?

— Конечно, но если сделать это сейчас, ему обеспечена головная боль на два дня. Причем снять ее не получится.

— А вот это даже хорошо.

Целитель кивнул и, наклонившись над похрапывающим Барсуком, положил ладонь ему на лоб. Этот замаскировавшийся под врача маг достался мне «в наследство» от старого графа. Он привлек его к собственной охране и проверке пищи, но, увы, поздно — к тому моменту магический яд уже поставил крест на жизни предыдущего графа Гвиери. Некоторое время целитель проверял мою пищу, но затем Урген то ли нашел, то ли сам придумал артефакт в виде перстня с камнем, который менял окраску, если в радиусе трех метров вокруг проявлялась магия, даже такая слабая, как та, что использовалась в ядах. К счастью, камень себя пока не проявил.

Маг закончил свои процедуры, что тут же прокомментировал стон Барсука.

— Гнилые потроха!

— Вставай, скотина! — Мое терпение дало трещину.

— Командир? — страдальчески-удивленно посмотрел на меня Барсук и сел на кровати. Насколько вредным и недисциплинированным был бывший «медведь», настолько же

он был догадливым. Налитые кровью глаза забегали в поисках некоего предмета. Результат осмотра комнаты вызвал еще один стон.

— Ладно, воспитательно-карательную акцию пока отложим. Кто такая? — лаконично спросил я, понимая, что время сейчас дорого.

— Не знаю, — вздохнул Барсук, — встретились у заведения Хнора Весельчака.

— Ты зачем достал игломет из хранилища?

Ответом на мой вопрос был лишь очередной страдальческий стон.

— Похвастать захотелось?

Я понимал, что здесь разыгралась вечная как мир драма. Женщина сначала восхитилась силой и мужеством мужчины, а затем позволила себе нотку скепсиса, и прожженный ловелас, нарвавшись на более сильного манипулятора, чем сам, тут же бросился доказывать свою крутость. И ладно бы он демонстрировал собственное «достоинство» — так нет, решил похвастаться диковинной и очень редкой штукой. Таким вот незамысловатым способом один из шести больших иглометов ушел «налево».

— Так, хватит сопли размазывать, — резюмировал я все происшедшее. — Шип, бери Сом, и попробуем встать на след.

Бывший убийца коротко кивнул, а вот Сом, перед тем как выйти из домика, подсунул под нос страдающему другу увесистый кулак, который и без латной перчатки смотрелся очень солидно.

Было неясно, почему на шум не явился Лован, но все стало понятно, когда я заметил его затянутую в легионерский панцирь фигуру с моим жилетом в руках. Центурион понимал все без слов, и не только потому что был нем, но и по причине природной сметливости и серьезного опыта общения с моей не самой спокойной личностью. По той же причине он не стал настаивать на полной «чешуе».

Давно заметил, что у мужчин и женщин по-разному проявляются родительские инстинкты. Если женщина, увидев маленького ребенка — не суть важно, своего или чужого, — тут же жутко умиляется и старается окружить его заботой, то

мужики в основном сдерживаются. А вот повзрослевшего юношу женщины опекают слабо, зато мужики становятся похожими на наседку, особенно если они хоть как-то отвечают за безопасность подопечного. И чем старше «родитель», тем хуже. Например, оставшийся за старшего в моем новом графстве Курат наверняка устроил бы скандал и все же напялил на меня полную броню, а вот Лован поостерегся давить, хотя уверен, что без жилета он меня не выпустит. Да я и сам не стал бы рисковать: шестиствольный игломет в чужих руках — это не шутки.

Переодевание заняло всего пару минут, за которые рядом со мной появился Черныш. Слишком низкорослый и лохматый по сравнению с привычными в столице рыцарскими скакунами, он все же был для меня самым лучшим, несмотря на довольно сложный характер. Черныш демонстративно не смотрел в мою сторону, обижаясь за редкие совместные прогулки. Даже незаметно протянутый мне конюхом соленый сухарик жеребец проигнорировал.

— Ну конечно, отожрался на деликатесах и теперь морду от сухарей отворачиваешь. Вот переведу тебя на сено и воду.

В ответ конь лишь фыркнул. Мое окружение уже давно привыкло к подобным разговорам и не обращало внимания, хотя многие наверняка считали меня чудаком.

Несмотря на все сложности характера, Черныш покорно позволил мне взобраться в седло и, лишь чуть капризная, поскакал в заданном направлении. Сзади послышался цокот копыт еще троих скакунов. Новые условия жизни немного изменили вид и состав моей боевой «свиты». Теперь отряд «ящеров» состоял из пяти человек: бывшие «медведи» Барсук и Сом и такой же бывший убийца Шип; еще двое бойцов должны подтянуться позже — так и не расставшийся с казачьим оселедцем пограничник Змей и находящийся на нелегальном положении рыцарь Грифон. В мое отсутствие «ящерами» командовал Шип — только его авторитета и боевых навыков хватало, чтобы держать в узде эту не самую спокойную компанию. Кроме того, в отряд входили я и растущий словно на грибах артефактор Еж. Вся наша компания была защищена комплектами черной «чешуи».

Едва получив в свое распоряжение огромные деньги и

даже небольшой флот, я все же не утерпел и отправил в Вольные Города на северном побережье континента два торговых судна под конвоем мощного фрегата «Веселая Устрица». Вернулись они совсем недавно и привезли практически все из заказанных вещей, на что ушла изрядная доля состояния, накопленного графским родом за сотню лет. В итоге я получил тридцать комплектов серой «чешуи» и шесть комплектов черной брони — одну под размеры Ежа с возможностью перекомпоновки под постоянно растущее тело подростка. Разжились мы и изрядным количеством качественных игл. Вот только сами иглометные трубки мастерам Вольных Городов повторить так и не удалось.

С имеющимся в наличии оружием тоже было не все благополучно — сказывался более чем солидный возраст иглометных трубок. В итоге после перекомпоновки у нас осталось пять двуствольных малых «пистолей» и шесть больших шестиствольных иглометов, один из которых Барсук умудрился прозевать.

Через десять минут наша компания, состоящая из одного графа, двух «ящеров» и одного легионера, добралась до заведения Хнора Весельчака. Хозяин большого и дорогого публичного дома в дворянском квартале вполне оправдывал свое прозвище. Его вотчина — двухэтажный домик — буквально фонтанировала ярким светом, визгливой музыкой и звонким женским смехом. Прямо на улице расположилось несколько девушек в ожидании клиентов.

Когда из полумрака затянутой тенью улочки появился явный дворянин на вороном коне, две дамочки даже шагнули навстречу, но тут же вся компания девушек бросилась врассыпную, как рыбешки при виде акулы: они заметили «ящеров».

Даже имея такую возможность, я все же не стал заказывать лицевые щитки другого дизайнера — иногда это жутковатое зрелище позволяло решать проблемы даже без использования иглометов и мечей, а на чьи-то нежные нервы мне было наплевать.

Веселый дом стал очень тихим и даже грустным, когда наша колоритная компания ввалилась в главный зал борделя. Похожий на шар Хнор буквально подкатился мне под

ноги и заискивающе посмотрел в глаза. Вид и одежда держателя публичного дома не оставляли сомнений в его сексуальной ориентации, но тут уж нечего не попишешь — должность обязывает.

— Ваша милость, я так рад, что вы почтили нас своим визитом.

— Прекрати кривляться. — У меня совершенно не было настроения ходить вокруг да около. — Кто сегодня ушел с Барсуком?

— Это не моя девушка, — замотал головой бордель-папан, да так, что казалось, инерция толстых щек оторвет ему голову.

— Я не спрашивал, твоя или не твоя, я спросил — кто?

— Не знаю.

Толстяк затрясся от страха, и боялся он явно не меня. Ситуацию нужно было исправлять, и Шип понимал это как никто другой. Он стянул свой жуткий шлем, но выражение его глаз вогнало толстяка в еще больший ступор.

— Ты врешь, и это нехорошо. Ты боишься кого-то больше, чем нас, и это совсем плохо. Хочешь, я за три удара сердца докажу тебе, что мы страшнее?

Когда было нужно, Шип становился очень убедительным и красноречивым, мне даже казалось, что театр потерял великолепного актера, — а может, он совсем не играл, просто иногда показывал часть мрака, живущего в его душе.

— Я не знаю, — заскулил толстяк, едва удерживаясь на грани истерики. — Мои мальчики хотели наехать на эту чужую шлюху, но появился Свин со своим напарником Храпом — и побили их.

Я посмотрел на Шипа и получил утвердительный ответ на невысказанный вопрос. Мы оставили погрузневший веселый дом и вышли наружу.

— Свин и Храп — эти два борова и работают на Скока Кувалду, — отчитался Шип, который в нашей компании завел контакты с преступным миром столицы.

— Это тот, кому мы объясняли, что не стоит брать денег от нелюдей?

— Да, командир.

— Похоже, до него плохо дошло.

Продолжая обдумывать сложившуюся ситуацию, я пропустил нечто интересное, но Шип оказался гластее и незаметно толкнул меня локтем. Теперь я заметил, что одна из девушек ведет себя странно. Она явно искала своим взглядом мой, а поймав, тут же потупилась и поспешной походкой нырнула в темноту улочки.

Намек был понят, и мы с Шипом, оседлав своих коней, медленно поехали следом. Испуганная девчушка ждала нас за углом. Она дрожала как осиновый лист, но явно не собиралась упустить, возможно, единственный в жизни шанс хоть как-то изменить свою судьбу.

— Говори, — тихо сказал я, глядя сверху вниз на вцепившуюся в стремя Черныша девушку.

— Хнор соврал вам. С девкой приходил Два Удара.

— Ты знаешь его? — повернулся я к Шипу.

— Да, наши дела стали хуже, но не смертельно. Два Удара работает на Спрута, а это рыба покрупнее Кувалды. Вот только зачем Спрут подставил Кувалду?

— Думаешь, толстяка заставили?

— Уверен.

— Ладно, разберемся. Дай девушке пятьдесят империалов и отправь в Сатар. Бордель сжечь, только проследи, чтобы никто не погиб.

— Весельчак?

— Пусть живет. Не стоит зря губить человеческую жизнь, даже такую мерзкую.

— Принял, командир, — кивнул бывший убийца, подавая девушке руку.

Наше возвращение к борделю восприняли по-разному — кто с пониманием, а кто-то со злобой. Выкатившийся из дома толстяк едва не изошел ядом, глядя на сидевшую перед Шипом девушку. Все мои сомнения исчезли, и даже появилась мысль — не опасно ли оставлять такую гадюку за спиной.

Поняв, что все мосты сожжены, девушка что-то зашептала Шипу на ухо, и он подал своего коня вперед.

— Командир, она слышала, где охмурившая Барсука шлюха должна была встретиться с Два Удара. Таверна «Толстый кошель».

— Поехали, — дернул я повод Черныша, потому что ситуация меня откровенно достала, к тому же жутко хотелось спать.

— Дождемся остальных, — ровно возразил старший «ящер», и его тон говорил о том, что спорить бесполезно.

К счастью, наш неначавшийся спор был тут же решен приближающимся перестуком множества копыт по мостовой. На небольшую площадь, окруженную десятком разных увеселительных заведений, влетела кавалькада из двух десятков лошадей. Впереди ехали Змей, Грифон и Еж в полном облачении. Они словно представляли собой стандарт, с которым те, кто явился следом, боролись со всем жаром непокорной крайней души.

В который раз за последние месяцы я вздохнул, глядя на этот цирк. Заказывая разные комплекты брони, я втайне рассчитывал, что появятся отряды черных и серых «ящеров». Увы, не получилось. Народная молва окрестила отряд поддержки «попугаями» — была в этом мире пестрая и крикливая птица, название которой я перевел для себя именно так.

Яркие наклейки поверх серой брони были компромиссом в моей борьбе с романтической натурой кронайцев. К тому же для них я заказал шлемы с гладкими масками и был готов к тому, что они раскрасят их клоунскими рожицами, но кронайцы опять удивили — они приделали к шлемам нечто похожее на растманские дреды, а вот лицевые пластины оставили серыми и безликими. Картинка получилась довольно оригинальной, чем-то напоминающей персонажа из фильма «Хищник». Впрочем, шлемы не особо бросались в глаза, потому что лихие морячки предпочитали держать их прикрепленными к седлу... даже в бою. Они и броню не очень-то любили, но тут я настоял на своем.

И все же, чтобы там ни думалось, глядя на этот цирк, Карн водил за собой двадцать девять действительно отъявленных головорезов, а на что способна хорошо сработанная абордажная команда, я узнал, находясь в теле пиратского принца. Так что их достоинства заставляли терпеть все недостатки, какими бы они ни были.

На площади стало шумно, но Шип быстро навел порядок, и пятерка «попугаев», забрав девушку, поскакала обратно, а

все остальные под моим предводительством отправились к вышеупомянутой таверне.

Весельчак остался стоять перед своим заведением в одиночестве, уже понимая, что совершил серьезную ошибку.

Таверна «Толстый кошель» представляла собой квадрат одноэтажных, похожих на бараки зданий. Вывеска над входом была одновременно простой и оригинальной — солидный кожаный мешок, лишь отдаленно похожий на увеличенную модель мешочка для денег. Как и все заведения дворянского квартала, таверна оказалась достаточно чистой и ухоженной, но все равно ее вид намекал на явно бандитское происхождение. Крайцы быстро окружили здание, передвигаясь на своих двоих значительно шустрее, чем верхом. За последнее время абордажники привыкли к своим скакунам, но все равно порой вызывали у опытных наездников улыбку. Только Змей постоянно морщился и плевался. Если учитывать то, что именно его я приставил обучать моряков верховой езде, такая реакция была вполне объяснима.

Три «ящера» вошли в таверну и через несколько заполненных треском, криками и звоном посуды минут выволокли наружу хозяина заведения.

— Здесь был некто Два Удара и девушка. Где они встречались?

Довольно упитанный, правда, не настолько, как Весельчак, хозяин заведения лишь мрачно кивнул. Скрывать что-либо ему смысла не было, да и вид «ящеров» не способствовал проявлению бандитской «корпоративной» этики.

— Какая комната?

— Двадцать третья.

Удовлетворенный, я покинул седло и шагнул в сторону хода в таверну. Поняв мои намерения, Лован звякнул браслетами и выдал Карну жест на легионерском языке знаков. Недолюбливающий меня кронаец, взяв четверых из своей пестрой команды, поспешно нырнул в темный прямоугольник входа в таверну. Глаза в очередной раз резанул вид цветастых и ярких даже в лунном свете накидок на серой броне. Карн носил алое, тисненное диковинными птицами «пончо», а его подчиненные добавили в общую картину все остальные цвета радуги. Некоторые умудрялись создавать такие цветовые

композиции, от которых все земные стилисты совершили бы массовое самоубийство.

Цирк да и только!

«Ящеры» взяли меня в защитную «коробку» и повели внутрь здания. Тут я пожалел, что не надел полной брони, и не потому, что боялся нападения: если бы на мне была «чешуя», телохранители вели бы себя поспокойней, оставляя мне больше личного пространства.

Пройдя через вытянутый обеденный зал, мы вошли в узкий коридор правого «барака» и через минуту оказались у нужной нам двери.

Явились мы слишком поздно. Сквозь открытый дверной проем я увидел лежащую на жесткой кровати девушку и понял, откуда у подельника Спрута такое прозвище.

Кровь, вытекшая из раны под грудью, пропитала платье до пояса, а вот жуткий разрез на тонкой шейке практически не кровоточил. Его нанесли уже после смерти — как подпись того, кого называли Два Удара.

Сволочь, найду и подарю этому уроду такое же украшение.

Несмотря на все наши разногласия, Карн легко прочитал отразившиеся на моем лице мысли и выдвинул встречное предложение:

— Можно я?

— Договорились. Шип!

— Да, командир, — откликнулся мой спец по уголовщине.

— Ты знаешь, где сидит Спрут?

— В Низовье. Район Старого рынка. Но где именно он прячется, не знает никто, а искать будем долго.

— Ничего, поищем, есть у меня одна идея. — Я недобро улыбнулся Шипу и пошел по коридору обратно.

На выходе из таверны мой взгляд сразу отыскал Ежа, который тут же был взят в работу. Подобный интерес к диковинным иглометам я предвидел уже давно, но только сейчас нашелся тот, кто решил, что может посягать на собственность молодого Гвиери по прозвищу Черный Ящер. Видно, общение со старым Гвиери, известным в определенных кругах как Кровавый Морж, их ничему не научило, так же как и

воспитательная работа, проведенная мной с парочкой местных бандитов.

Местного любителя диковинного оружия ждал сюрприз — в каждый игломет был вставлен простенький артефакт из запасов замка Торнадо. Даже не артефакт, а осколок от артефакта, толку от которого было ноль, но натасканный Ургеном Еж мог засечь этот осколок с расстояния в тридцать метров, чем мы и собирались воспользоваться.

Небольшая заминка случилась на выезде из дворянского квартала — стража не любила ночных путешественников, и я их вполне понимал. На сердитых стражников не подействовали ни жуткие маски «ящеров», ни черный морж на серебряном фоне, ухмылявшийся окровавленной пастью с родового знака на моем камзоле. А вот спокойная физиономия Лована и три серебряных наконечника стрелы центуриона на его черной гвардейской броне сработали не хуже земной «вездеходной» ксивы.

Ворота со скрипом открылись, выпуская нас в Низовье, словно болото обтекающее три богатых холма имперской столицы.

В отличие от холмов, Низовье не засыпало никогда, даже посреди ночи кто-то шлялся по улицам, направляясь по своим, наверняка темным, делам. До них нам не было совершенно никакого дела, и наша кавалькада быстро спустилась до набережной Ады, а затем по набережной до Речного рынка. Как только мы достигли рыночного квартала, вперед выехал Шип, а за ним двинулась пугливая, как и сам подросток, лошадка Ежа. Бывший убийца показывал дорогу к возможным лежкам местного босса мафии, а юный артефактор пытался уловить магические эманации.

Выбор Шипа оказался верным, и буквально в первом же доме, мимо которого он провел нашу компанию, Еж почувствовал отголоски магии. Это был старый постоялый двор, похожий на тот, в котором мы год назад отсиживались перед штурмом городской стены.

Судя по отсутствию вывески и некоторым архитектурным излишества, кто-то тщеславный решил переделать постоялый двор в свою резиденцию.

А что, довольно оригинально — одновременно и не слиш-

ком вызывающий для вора дворец, и довольно презентабельное жилище.

Так как отпор ожидался серьезный, а лить кровь пока не хотелось, в дело вступила шальная команда морячков.

— Как работаем? — спросил Карн, вот уже почти год умудряющийся обращаться ко мне, избегая упоминания имени, титула и даже «вашей милости».

— Дубинками.

— Можно и дубинками, — пожал плечами практически квадратный моряк и потащил из кофра на своей лошади еще одно привнесенное в этот мир земное изобретение.

В руках бронированного воина, можно сказать типичного рыцаря, милицейская дубинка с боковой ручкой смотрелась диковинно, но отнюдь не нелепо. Новинка пришлась по вкусу и «ящерам» и «попугаям», но только после того, как Шип произвел некую модернизацию: в местной дубинке не было ни дерева, ни резины, а только качественная сталь.

Что ж, другой мир — другие правила. Я особо не возражал.

Ворот абордажная команда трогать не стала, кронайцы лихо перемахнули через трехметровые стены, причем без использования подручных средств.

Отстраненный от всеобщего веселья кронаец открыл для нас ворота и тут же побежал за своими вовсю резвящимися товарищами.

Когда-то я уже входил в захваченный моими бойцами дом, но сейчас взятое штурмом здание напоминало не морг, а скорее госпиталь — десятки людей валялись под стенами, выплевывая на землю зубы и держась руками за места переломов.

Не помню, откуда я это почерпнул, но мысль о том, что «переговоры нужно вести в такой обстановке, чтобы твой собеседник чувствовал себя неудобно», мне понравилась, так же как Карну — человеку кровожадному и, скорее всего, скрытому садисту.

Довольно крупный и только начавший толстеть Спрут ждал возможности поговорить со мной в действительно неудобном положении — подвешенный вверх ногами к потолку своей спальни. Мало того: из одежды на нем были только сапоги — судя по характерным порезам на теле, Карн сначала

подвесил его за ноги, а уже затем начал срезать тряпки. Не скажу, что зрелище приятное, но с такими людьми как-то не до церемоний — вежливость они воспринимают как слабость.

— Доброй ночи, господин Спрут. — При такой расстановке сил можно было позволить себе легкую издевку. Выслушав ответный поток грязной брани, я продолжил: — Вы слышали обо мне?

— Ты — Черный Ящер, — как-то неожиданно быстро успокоился мафиозо, что говорило об уме и внушало надежду на конструктивные переговоры.

О том, где находится игломет, спрашивать было глупо, потому что оружие нашлось на рабочем столе в кабинете Спрута, но не это было самым важным.

— Кто надоумил вас позаимствовать мою собственность?

— Да пошел ты! — прорычал бандит и постарался даже плюнуть в мою сторону.

Карн не зевал и врезал кулаком по слегка надувшимся для плевок губам Спрута раньше, чем слюна успела вылететь наружу. Бандит закашлялся, а его крупное тело задергалось. Я недовольно сморщился — поведение кронайца мне не понравилось, особенно ввиду того, что такой же прием он применил два года назад, когда я вздумал плюнуть в старого графа Гвиери.

Чудны твои дела, господи, ну кто тогда мог знать, что пройдет не так много времени — и я сам стану носителем герба с моржом, а Карн будет предотвращать попытку плюнуть уже в мою персону?

Еще несколько ударов по обнаженному телу результатов не дали, что едва не ввело Карна в исступление.

— Карн, успокойся, — тихо сказал я, и кронаец с недовольным рыком отошел назад.

В комнате появился Шип почему-то с тазиком в руках. Он поместил посуду под головой висящего Спрута и достал кинжал.

Любопытство все же оказалось сильнее меня.

— Что ты собрался делать?

— Так ведь профессор просил заготовить ему пару литров крови. Когда еще выдастся такая возможность?

В бывшем убийце точно пропадал великой актер.

И все же одного из самых жестоких мафиозо столицы убедили отнюдь не слова. Шип чуть присел, и его глаза оказались на уровне с глазами Спрута. Вот только после этого я увидел страх на лице бандита.

— Это был не человек, — отрывисто заговорил Спрут. — Он сначала заказал твое убийство, но я отказался. Затем он предложил серьезные деньги за оружие.

Смысла в дальнейшей беседе не было, но я все же не удержался.

— Неужели вы не понимаете, что иметь дело с нелюдьми нельзя?

— А чем их золото хуже твоего?

— Когда они придут в этот город всерьез, золото тебе уже не понадобится.

— Мы народ привычный, выживем и при нелюдях, — криво ухмыльнулся Спрут. Допрос начал превращаться в беседу, и с этим нужно было заканчивать.

— Живые люди нужны дари только в роли рабов, впрочем, говорить тебе это бесполезно. Где в городе могут прятаться нелюди?

— Можно подумать, если я скажу — ты меня отпустишь.

— Можешь не верить, но отпущу. Крови моих людей на тебе нет, а за кражу мы уже рассчитались. — Я был уверен, что, пока мы беседовали, абордажная команда успела обнести весь дом начисто, включая самые хитрые тайники.

— Хорошо, я расскажу о нелюдях, но сдавать своих не стану.

— А меня твои подельники не интересуют, пусть этим занимается стража. У каждого свой хлеб.

Спрут оказался действительно разумным человеком и сдал мне пять домов, в которых его люди приготовили лежки для дарийских шпионов. Вот только эта информация оказалась бесполезной — все схроны к тому времени опустели. Причем нелюди там явно жили, но ушли как минимум за сутки до нашего прихода. Вымещать зло на Спруте я не стал, понимая, что он вряд ли мог предупредить своих партнеров из Темного Леса. К целому вороху тайн добавилась еще одна: нелюди спокойно сидели у нас под носом, и мои агенты не

смогли их засечь. И все же они уходят в неизвестном направлении, и что самое главное, по непонятной причине, а вот это было значительно хуже.

Ночка выдалась беспокойной, поэтому по прибытии домой я сразу отправился в душ и уже собирался завалиться спать, но заметил, что в банном комплексе моего дворца я не один.

В такое время в этом месте могла находиться только одна особа.

— Яна, хватить отмокать, — крикнул я в сторону «водного пузыря» и, накинув халат, уселся в плетеное кресло, накрытое пушистым полотенцем, дожидаясь плещущейся в бассейне хтарки.

Весь банный комплекс являлся моей прихотью и гибридом достижений двух миров. Еще мой первый поход в одно из развлекательных заведений Золотого Города дал возможность по достоинству оценить «водный пузырь» — каменную сферу, по внутренним стенкам которой постоянно текла вода, собираясь в бурлящем бассейне. Как оказалось впоследствии, это чудо-джакузи не обошлось без примитивных артефактов.

В своем банном комплексе я организовал и «пузырь», и два вида бань, и несколько разновидностей джакузи. Что уж говорить о душевых кабинках.

Чтобы обеспечить все эти чудеса необходимым напором воды, пришлось немного подпортить архитектурную гармонию особняка, построив высокую водонапорную башню. Но и с этой задачей местные строители справились, гармонично вписав башенку в общий ансамбль.

Несмотря на всю конспирацию, Яна не могла отказать себе в удовольствии и совмещала отчеты в проделанной работе с посещением банного комплекса.

Наконец-то к тихому журчанию «водопада» добавились хлюпающие звуки, и из-за полога льющийся воды, как Афродита из пены морской, явилась хтарка. Я в очередной раз залюбовался изящным телом степной смуглянки. Мне больше нравятся женщины со светлой кожей, но эта девушка была исключением из всех мыслимых правил. Не особо стесняясь, Яна набросила на себя махровый халат и, изящно

«проплыв» по центральному залу банного комплекса, опустилась в соседнее кресло.

— Хорошо, — выдохнула девушка, и я дал ей возможность прийти в себя перед деловым разговором.

А поговорить нам было о чем. Баронесса Яна Рошаль была моим агентом в тех кругах высшего света, которых я не посещал по вполне понятным причинам. По «легенде» дальняя родственница покойного графа Гвиери была со мной на ножах из-за наследства. Это давало ей возможность собирать вокруг себя моих врагов. Со вхождением в высший свет у хтарки проблем не возникло. Мало того что она считалась родственницей воспитателя императрицы, — к тому же ее баронский титул был вполне реальным: где-то на юге в бедной усадьбе доживал свои годы старый барон Рошаль, который своей юной супруги и в глаза не видел.

— Устал? — участливо спросила девушка, с которой нам удавалось сохранять те редкие отношения между мужчиной и женщиной, которые вполне можно назвать дружбой.

— Да, пришлось побегать, но все это лирика. Как там дела в высшем свете?

— Болото, — фыркнула хтарка. — Я вообще не понимаю, как можно жить такой жизнью. Переливают из пустого в порожнее, и ладно бы просто переливали и обсуждали друг друга — так постоянно норовят испоганить кому-нибудь жизнь.

— Яна, я действительно устал и хочу спать. — Вслед за этим заявлением мне удалось изобразить мягкую улыбку, чтобы не обидеть девушку.

— В принципе все по-старому, — добродушно отмахнулась хтарка. — Твоя Лара по-прежнему сходит с ума, я едва сдержалась, чтобы не нахамить ей на вчерашнем приеме. А ее новый фаворит...

— Это неинтересно, — без нажима перебил я девушку.

— Ну тогда из интересного лишь то, что маркиза Селкер очень зла на тебя, и судя по тому, что в ее окружении появился некий юный рыцарь, тебя ждет дуэль. Ван, это не совсем разумно — отказывать женщине, особенно такой красивой.

— Мне что, нужно было с ней переспать?

— И чего бы с тобой такого случилось? — немного удив-

ленно приподняла бровь Яна. — Она ведь действительно красавица.

— Ну, на вкус и цвет все фломастеры разные, — немного неуклюже скаламбурил я и услышал в ответ фырканье девушки.

Яна знала, что такое фломастеры, впрочем, как и то, по какой причине жгучая брюнетка вот уже неделю домогалась моего тела. Любовью здесь и не пахло, просто жене престарелого, но очень богатого маркиза захотелось пополучить в свою коллекцию еще один трофей, особенно ценный из-за моей связи с императрицей. Для меня секс — это в лучшем случае марафон, в худшем спринт и уж никак не эстафета, какой бы красивой ни была передаваемая из рук в руки эстафетная палочка.

— Если это все, я пойду спать.

— Иди уж, соня, а я еще немного поплещусь.

Увы, сразу лечь спать мне не удалось — в купальню вошла сонная Таня.

— Привет, Ваня, привет, Янка, — потирая глаза маленьким кулачком, заявила тринадцатилетняя девочка в ночнушке. По крайней мере, так мог подумать любой, кто не знал, что в теле маленькой девочки живет душа взрослой женщины.

— Меня зовут Яна, — уже в сотый раз прошипела хтарка.

— Я тебя не звала, сама пришла, — также в сотый раз парировала Таня.

Эта перепалка повторялась постоянно, но пока не надоедала ни им, ни мне.

— Ты чего не спишь? — вяло спросил я.

— Так ведь все бегают, как слоны. Что случилось-то?

— Ничего интересного, иди спать, — едва не вывихнув челюсть в зевке, посоветовал я.

— Не хочу.

— А тебе не кажется, что приличной девушке не полагается появляться на людях в ночной рубашке? — не удержалась хтарка от укола.

— Не кажется, ведь Ван мой брат, а тебя здесь вообще нет, — лениво отмахнулась Тяня и плюхнулась в свободное кресло. Ее слова имели под собой основание — ведь Таня

действительно получила статус виконтессы и фамилию Гвиери.

— Да, с «приличной» это я преувеличила, — буркнула в ответ Яна.

Поняв, что в моем обществе здесь никто не нуждается, я пожелал всем спокойной ночи и отправился спать.

Следующие два дня не принесли никаких новостей как из придворной жизни, так и на фронте тайной борьбы с дари. Появилась даже мысль навестить свое графство, в котором я так ни разу и не побывал с тех пор, когда оно было еще баронством. Но, увы, эта мысль улетела так же быстро, как и прилетела: с моим везением я едва успею отъехать лишь на два дня пути от столицы — тут же начнется очередная неприятность. Так что пришлось остаться в столице, и именно скука заставила меня пойти на очередной раут к баронессе Динати. Лучше бы сидел дома и не отлынивал от занятий по фехтованию с Шипом и Змеем.

Дом баронессы вновь встретил меня мелодией кронайского трабо. В салоне было довольнолюдно, но в центре зала танцевали лишь три пары — один из сатарских дворян, смутно знакомый мне по раутам у баронессы, и два капитана, которые усердно пытались заставить неуклюжих имперских дворянок изобразить хоть что-нибудь чувственное. В неуклюжести партнерш не было ничего странного — мода на трабо только начала захватывать умы имперского высшего света.

Заметив баронессу в компании молодых людей, я направился к ней, но едва не споткнулся, когда увидел, кто является центром еще одной тусовки. Маркиза Селкер поймала мой взгляд и злорадно улыбнулась. Закрыв лицо веером, она наклонилась к молодому человеку, чьи одежда и замашки выдавали в нем жителя герцогства Забадар. Кроме того что там правила очень приятная герцогская чета, эта земля рождала прекрасных фехтовальщиков, и судя по всему, мне выпало «счастье» лицезреть местного д'Артаньяна. Вот только посетивший столицу пылкий юноша пропустил встречу с троицей потенциальных друзей, заодно и с прекрасной фрейлиной королевы, зато он попал прямиком в лапки местной коллеги Миледи.

Да что ж ей все неймется-то!

Резко менять направление движения я не рискнул, потому что вдруг нахмурившийся после слов маркизы парень направился в мою сторону.

Положение спасла баронесса — она быстро поняла, что происходит, и как гончая рванула мне навстречу.

— Мой дорогой Ван! — Баронессе пришлось практически прыгать мне на шею, чтобы успеть раньше бретера.

Несмотря на возраст, парень выглядел серьезно. Несколько шрамов на его лице говорили о солидном опыте схваток, а то, что он до сих пор ходит на своих двоих, подсказывало, что эти схватки он выигрывал, отделившись лишь легкими ранениями. Загорелая рука уверенно сжимала потертую рукоять забадарского меча, который был чуть массивнее и шире краинской шпаги, но значительно уже, чем традиционные мечи северных имперцев.

Меня посетила неприятная мысль, что я веду себя как последний трус, и тут случилось то, за что я женщин люблю и ненавижу одновременно, — именно они сталкивают лбами восторженных идиотов, и они же способны вытащить мужчину из самого дурацкого положения. Кора посмотрела мне в глаза, и ее взгляд оправдывал любой мой поступок только потому, что именно она считала его правильным.

Баронесса, не переставая щебетать, увлекла меня на балкон, а бретер растерянно смотрел на наши спины. Если бы он был постарше, так легко мы бы не отделались.

Возможно, эти слова покажутся отговоркой, но в данной ситуации я спасал от опасности нас обоих. Во-первых, честной дуэли он не дожидается, я, как и в прошлый раз, выберу главным оружием парные короткие клинки, но опыт противника не позволит мне просто ранить его. Моя первая и, как я надеюсь, последняя дуэль в столице закончилась смертью достаточно неплохого парня, который в будущем обещал стать прекрасным капитаном. Без привычной сатарской широкой и массивной шпаги шансов у него не было, но и я не смог обойтись первой кровью — обезумевший от романтических чувств юнец сам напоролся на «младшего брата» из облегченной одарийской пары.

Ясные и такие удивленные глаза этого почти ребенка еще

снятся мне по ночам. Из тех, кого я убил в бою, никто меня не беспокоил, а вот погибший по глупости паренек навещается регулярно. Получив удар в грудь, он посмотрел на меня с непониманием и обидой — как же так, ведь он защищал честь дамы?.. И то, что эта дама является моей любовницей, а оскорбление — всего лишь простым скандалом двух влюбленных, ему в голову просто не пришло. Взгляд незадачливого дуэлянта погас медленно, как огонь на опустевшей лампаде. Увы, целители оказались бессильны — удар прошел между ребрами и разрезал сердце едва ли не напополам. Магия целителей могла срастить самые страшные раны, они даже проводили полостные операции и поддерживали организм раненого энергетическими вливаниями. Сердце — тоже мышца, но очень уязвимая...

Твою ж мать — прошлое вновь стегнуло мозг кровавой картинкой, а следом пришла злость.

Тогда мальчишка умер из-за собственной глупости даже без вмешательства Лары, а сегодняшнего «героя» сознательно подталкивали в спину.

Кора погладила меня по плечу и ткнулась в него носом. Она прекрасно понимала, что происходит, потому что была свидетелем той давешней дуэли.

— Я выгоню ее, — решительно сказала баронесса.

— Не нужно наживать себе врагов. Продолжай жить своей жизнью, и все будет хорошо.

Увы, мы оба недооценили решительности маркизы. Ведущая на балкон дверь открылась, и в проеме показалась голова юного бретера.

— Граф, куда же вы...

Договорить ему не дали, и вся заготовленная издевка канула втуне.

— Юноша, — баронесса выразительно осмотрела одежду забадарца в поисках баронского герба, но, естественно, не нашла, потому что парень, как и тот же д'Артаньян, стоял на низшей ступени дворянского сословия и титула не имел. — Вас матушка не учила, что врываться в покои к женщине — это позор даже для мужланов, не говоря уже о дворянине?

Бретер застыл на месте и вдруг покраснел.

Да что же он такой стеснительный, неужели мало общался

с женщинами? Впрочем, забадарским дворянкам далеко до откровенности вдов сатарских капитанов, в чьих жилах еще плещется кровь пиратов.

Все, шах и мат. Так могут только истинные леди — одной фразой и движением брови сбить спесь даже с самого уверенного в себе мужчины. Изящность момента испортила сама же баронесса — все же сатарские, и тем более кронайские, корни в ней были сильнее дворянского воспитания.

— Ну что ты на меня смотришь, сопляк? Пошел вон, и чтобы в моем доме я тебя больше не видела!

Буквально резанув меня яростным взглядом, бретер исчез из виду.

Что ж, эта проблема всего лишь откладывается, и мне придется ходить по городу, оглядываясь по сторонам. Причем беспокоиться нужно о том, чтобы «ящеры» не зарезали этого горячего парня у всех на глазах. Так что нужно искать нестандартное решение. И кое-какие мысли по этому поводу у меня уже появились.

Мужскую натуру переделать трудно — даже понимая всю подоплеку происходящего, мне было неловко за то, что я отсиделся за спиной хрупкой женщины, так что наше общение с баронессой затянулось ненадолго и я покинул уютный дом раньше обычного. К этому времени ни маркизы с почитателями, ни бретера в главном зале уже не было.

Проинструктивровав Шипа насчет бретера, я отправился домой, где убил несколько часов времени за игрой в шахматы с Таней. С моей названной сестрой тоже было не все просто — она с нетерпением ждала выхода в высший свет, но после земных развлечений даже имперские балы показались ей скучными, особенно после того как схлынуло очарование первого впечатления.

Шип явился ближе к полуночи, и мы с ним отправились на небольшую конную прогулку по дворянскому кварталу. Наш путь вел к недорогому пансиону для офицеров гвардии и мелких дворян, которые не могли позволить себе дорогих гостиниц, но при этом считали ниже своего достоинства жить в Низовье или на купеческом холме.

На улице было безлюдно. В отличие от Низовья, жители дворянского квартала предпочитали проводить свободное

время в помещениях, а по улицам передвигаться исключительно в каретах.

В этот раз я обошелся «малым выходом» и для решения возникшей проблемы привлек лишь пятерку «ящеров».

Небольшой коридорчик и лесенка привели меня к двери в стандартные для таких заведений апартаменты. В подобных местах было не принято лезть в чужие дела, поэтому нас никто не остановил.

Шип, Сом и Змей ждали меня в комнате, а вот Барсука не было видно — скорее всего, он стоял «на стреме». После случая с иглометом бывший «медведь» вообще старался не попадаться мне на глаза, насколько это было возможно для телохранителя.

В компании «ящеров» юный бретер вел себя намного увереннее, чем на светском рауте, несмотря на то что был прикручен к стулу и «снабжен» кляпом. Это был плюстик в моем отношении к нему.

По моему приказу Шип не стал подвешивать пленника вверх ногами и тем более раздевать — мне нужна была возможность просто донести до парня свои слова: что-то в его глазах все же зацепило меня за живое. Возможно, я вспомнил историю Лована, лишившегося очень многого, включая возможности говорить, точно в такой же ситуации.

Я взял стул и присел напротив сверкающего глазами забадарца.

— Еще раз привет, знакомиться не будем — это ни к чему. Мне наплевать на то, о чем ты думал, желая наделать во мне дырок. Не знаю, что говорил тебе отец, отправляя в столицу, возможно, это было классическое мушкетерское: «Дерись, сынок, где можно, и тем более дерись там, где нельзя».

Судя по реакции, отец забадарца был умнее старого гасконца.

— Мой отец говорил мне другое. Рисковать жизнью стоит, лишь защищая свою страну, друзей и свою семью. — А вот теперь реакция пленника была другой — похоже, папашка бретера не раз бодался на границе с толпами морхов. Возможно, он даже был на поле боя, где моя душа покинула тело императора. — Мой юный друг, нельзя защитить то, чего нет, — я говорю о чести маркизы. Если лезть в драку за женщину, у

которой было больше одного мужчины, сначала нужно как минимум стать одним из этих самых счастливиц, каким бы ни был твой порядковый номер. Думаю, эту цифру тебе скажет любой при дворе императрицы.

Парень задумался, и это было неплохо. Встав со стула, я дошел до двери и все же решил добавить кое-что к вышесказанному:

— В следующий раз лучше возьми деньги за мою смерть — так хоть ни тебе, ни мне не будет обидно, когда «ящеры» пережуют тебя на куски.

Все, что хотел, я сказал, и если у парня есть мозги, он сделает правильные выводы.

Случай с маркизой и бретером словно прорвал дамбу событий, и моя жизнь стала значительно «веселее», причем настолько, что я сразу начал тосковать по прежнему безделью.

Буквально на следующее утро пришло уведомление из дворца о том, что граф Ван Гвиери приглашен на ежемесячный императорский бал. Последние шесть балов обошли меня стороной, что, честно говоря, радовало — непонятно чего можно ожидать от подобной милости.

Еще один сюрприз принес Шип практически за час до бала, когда допущенная к телу графа служанка заканчивала наряжать меня в дорожный черный камзол с серебряным шитьем и розовыми алмазами на висюльках.

— Командир, на меня вышел человек от Спрута. От него ушел Два Удара с частью банды. По слухам, они опять связались с дари. Старик не хочет неприятностей, поэтому сдал всех скопом.

— Поднимай всех, — вздохнул я и начал обратный ритуал по снятию камзола. Хихикнувшая служанка раздевала меня намного активнее, чем одевала.

На заднем дворе моего дворца, который служил точкой сбора для боевых выходов, уже находились все «ящеры» и «попугаи». Похоже, Шип поднял всех сразу по прибытии, не сомневаясь в моем решении. Великосветская канитель образовала во мне изрядный заряд злости, который нужно было выплеснуть, потому вниз я спустился во всеоружии — в черной чешуе с россыпью артефактов от Ургена и с шестиствольным иглометом в руках. «Младший брат» из более массив-

ной пары, доставшейся мне от мечника-дари, висел за спиной, а «старший» был приторочен к седлу Черныша. На той злополучной дуэли я использовал пару, доставшуюся мне от мечника-одари. Имеющие половину человеческой крови мутанты были значительно мельче чистокровного дари, поэтому я мог работать обоими мечами одновременно. Реальный бой — это не дуэль, так что там было не до «понтов». Массивный и короткий клинок великолепно подходил для близкого пешего боя, а его более длинный «брат» использовался в конной рубке.

В этот раз наш путь вел за пределы города, и Лован сразу поехал впереди, чтобы без задержек провести отряд через ворота, закрывавшиеся с последними лучами солнца.

Целью похода было небольшое дворянское поместье в полудне езды от городских стен. Обветшавший замок окружал шикарный сад. Скорее всего, подобный контраст возник из-за того, что хозяева замка были вынуждены сдать землю в долгосрочную аренду хорошему хозяйственнику.

Штурмовать шестиметровые стены было глупо, тем более что нас уже заметили, поэтому мы оставили лошадей под фруктовыми деревьями и пестрой толпой побежали к воротам.

По броне пару раз ударило стрелами, но без малейшего вреда для защищенных «чешуей» тел.

Действующий ловко и уверенно Еж налепил на ворота несколько «лепестков пламени» и быстро развернулся.

— Бойся! — Тонкий мальчишеский голос срывался от волнения.

«Ящеры» последовали примеру артефактора, а вот крошайцы просто прикрыли глаза, в очередной раз подтверждая, что мозгов у них было меньше, чем смелости.

За моей спиной полыхнуло красным, и тут же раздался рык абордажников, дружно навалившихся на полотно ворот. «Украшенные» новой оплавленной дырой створки со скрипом открылись, и мы гурьбой ввалились в небольшой дворик замка. Навстречу выскочили противники. Единственное, что я успел рассмотреть, — все они были людьми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Имперский денди	9
<i>Глава 2.</i> Пожарный	60
<i>Глава 3.</i> Исследователь	81
<i>Глава 4.</i> Усмиритель степи	95
<i>Глава 5.</i> Скалолаз	153
<i>Глава 6.</i> Миротворец	177
<i>Глава 7.</i> Мародер	215
<i>Глава 8.</i> Путешественник.	240
<i>Глава 9.</i> Расхититель гробниц	269
<i>Глава 10.</i> Демонолог.	325
<i>Эпилог.</i>	341